

УДК 947.084

ТОРФ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ТАТАРИИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК: АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ТОПЛИВО И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Е.В. Воейков

Аннотация

Статья посвящена малоизученному аспекту истории торфяной промышленности – торфоразработкам в Татарии периода первых пятилеток. Торфяное топливо добывали спиртзаводы и другие предприятия местной промышленности. Размеры добычи торфа достигали двухсот тысяч тонн в год. На отдельных участках добычи торфа проблемы жилья и питания не были решены вплоть до конца 30-х годов XX века.

Ключевые слова: торфоразработки, Среднее Поволжье, топливный баланс, продовольственная проблема, жилищная проблема.

Развитие промышленности в любую эпоху немыслимо без применения топлива. На современном этапе понятия «дешёвая электроэнергия», «дешёвый газ» ушли в прошлое. Всё более актуальным становится поиск новых альтернативных источников энергии. Зарубежные страны в настоящее время ведут активный поиск новых технологий; модным стало так называемое биотопливо из прессованных древесных и других органических отходов. В России на уровне федеральных программ ведутся разработки энергосберегающих технологий. Пока в нашей стране торф не рассматривается в качестве серьёзной альтернативы другим видам топлива. Но уже в ближайшем будущем ситуация может измениться; в данном случае у руководителей и экономистов преобладают скорее стереотипы мышления, не позволяющие поставить торф в один ряд с дровами, газом и углём.

Торфяная промышленность в нашей стране в XX в. пережила периоды взлёта и падения. Интерес к разработке торфяных залежей неоднократно проявлялся ещё до революции, но доступность каменного угля, нефтетоплива и дров препятствовала развёртыванию торфодобычи в широких масштабах. Традиционными центрами торфоразработок в начале XX в. являлись Московская, Нижегородская, Владимирская губернии. Первая мировая и Гражданская войны привели к возникновению топливного кризиса, что способствовало повышению интереса к торфу как виду топлива. Невиданных ранее масштабов добычи торфоразработки достигли в годы первых пятилеток, когда в летний период на торфоразработках работали сотни тысяч людей; важную роль играл данный вид топлива и во время Великой Отечественной войны. В послевоенный период (1950–1960-е годы) роль торфяного топлива постепенно снижалась.

Затем в 1970-е годы дешёвый газ и нефть новых месторождений окончательно изменили топливный баланс страны. В итоге уже к концу XX в. торфоразработки первых послереволюционных десятилетий оказались в числе сюжетов, «забытых» в большинстве научных трудов по экономической истории. Татарии и Среднему Поволжью в этом отношении «не повезло» дважды: первый раз – в 1920–1930-е годы, когда центр не уделил должного внимания местным торфоразработкам, что отразилось на выделении средств и техники, второй раз – во второй половине XX в., когда историки в подавляющем большинстве сочли мелким и недостойным серьёзного внимания именно данный аспект промышленного развития региона.

В рамках данной статьи рассмотрена история торфоразработок на территории Татарской АССР (далее ТАССР) в период 1930-х годов. Нами предпринята попытка восстановить забытую страницу истории одного из регионов Среднего Поволжья, используя редкие и малоизвестные архивные материалы. Исследование одной из отраслей топливной промышленности в суровый и героический период первых пятилеток (который, несмотря на кажущуюся изученность, продолжает таить в себе ещё немало загадок и «сюрпризов» для историков), представляет несомненный интерес.

В Казанской губернии отдельные помещики использовали торфяное топливо для своих винокуренных заводов ещё с 1890 г. [1, л. 1; 2, с. 61]. Но масштабы добычи этого вида топлива были незначительны; систематического изучения торфяных месторождений Татарии не проводилось. Топливный кризис периода Гражданской войны заставил активно использовать местные виды топлива – дрова и торф. В сезоне 1919 г. в Казанской губернии добыча торфа велась на Кизическом болоте; в июле там находилось 69 рабочих; работа производилась с использованием нескольких торфяных машин [3, л. 23–24; 4, л. 1]. В 1920 г. функционировали уже три торфоразработки: Кизическая, Осиновская, Шушарская¹.

С переходом к нэпу интерес к торфу как альтернативному виду топлива снизился, так как с окончанием военных действий другие виды топлива стали более доступны. Но распространённость торфяных месторождений на территории Татарской АССР и дороговизна каменного угля и нефтетоплива заставили отдельные предприятия вести самостоятельные торфоразработки. Так, в частности, в 1926 г. основными заготовителями и потребителями торфяного топлива на территории республики стали Бондюжский химический завод и три винокуренных завода Татспиртотреста: Усадский, Князевский, Петровский² [5, л. 38 об.]. Подобный интерес к заготовкам торфяного топлива в период нэпа со стороны отдельных промышленных предприятий был характерен и для других регионов Среднего Поволжья. Например, в Ульяновской губернии торфоразработки вели фабрики Суконного треста.

¹ Кизическое болото находилось в четырёх верстах к северу от Казани. Населённый пункт Шушары расположен в Высокогорском районе современной республики Татарстан. Осиновка – населённый пункт в Зеленодольском районе Татарстана на границе с северо-восточной окраиной современной Казани.

² Посёлок Бондюжский в 1967 г. переименован в Менделеевск. Усадский винзавод располагался около населённого пункта Высокая Гора (райцентр современной Татарии), Князевский находился в районе пристани Набережные Челны, Петровский винзавод – в населённом пункте Петровский завод Сармановского района современного Татарстана.

Индустриализация страны и Поволжья в 1930-е годы усилила дефицит топлива в стране. Ввод в строй значительного количества предприятий вызвал обострение топливного вопроса. Топливный кризис Первой мировой и Гражданской войн, преодоленный в период нэпа, снова встал на повестке дня. На многих промышленных предприятиях страны начались перебои с поступлением каменного угля и мазута. В этих условиях уже с начала 1930-х годов был взят курс на снабжение основной массы предприятий лёгкой промышленности и коммунального хозяйства местными видами топлива: дровами, торфом, горючими сланцами. Это позволяло сберечь высококалорийное каменноугольное и нефтяное топливо для тяжёлой и оборонной промышленности и сэкономить на железнодорожных и водных перевозках. В какой-то степени ситуация напоминала обстановку Гражданской войны: вся страна покрылась сетью лесозаготовок и торфопеработок; в отдельных регионах даже вводилась трудовая повинность на заготовках топлива.

Основным видом местного топлива во многих частях страны стало древесное. Эта тенденция была характерна и для Татарии с прилегающими регионами. В 1935 г. в Горьковской области доля дров в топливном балансе составляла 48.9%, в Куйбышевской области (включавшей территории бывших Пензенской, Самарской и Ульяновской губерний) – 34%, в Татарской АССР – 45.9% [6, с. 45]. Вместе с тем лесистость (процент площади лесов по отношению ко всей территории) Среднего Поволжья находилась на весьма низком уровне: Самарская губерния в 1920-е годы – 11%, Татарская АССР – 21%, Пензенская губерния – 23%, Ульяновская губерния – 33% [7, с. 33], в то время как достаточным для нормального развития региона считался показатель более 30%. Если учесть, что кроме древесного топлива лесспромхозы и лесхозы лесных трестов активно заготавливали деловую древесину для новостроек, экспорта и даже оборонной промышленности, техногенная нагрузка на леса региона уже в первой половине 1930-х годов приобрела угрожающий характер [8, с. 145–152]. В этих условиях разработка торфяных месторождений для многих промышленных предприятий, снятых со снабжения углём и мазутом, могла стать существенной альтернативой традиционным дровам.

Торфопеработки Татарии развёртывались медленнее, чем по стране. В СССР размер заготовок торфа увеличился с 3.8 млн. т в 1928 г. до 14.7 млн. т в 1932 г. [6, с. 90–91]. В последний год первой пятилетки размер торфодобычи Татарии составил всего 13 тыс. т, что ненамного превышало объёмы заготовок периода топливного кризиса Гражданской войны. Соседи Татарской АССР в данный период сумели развернуть торфопеработки в более серьёзных масштабах. В примыкающем к республике с юга Средневожском крае (куда вошли территории прежних Пензенской, Самарской, Ульяновской и Оренбургской губерний) размер добычи 1932 г. составил 365 тыс. т [9, с. 197].

В заметных масштабах добыча торфа началась в Татарской АССР только во второй пятилетке. Если в 1932 г. заготовку торфа вели 4 предприятия, то в 1935 г. – уже 7. Размер торфодобычи резко вырос с 17 тыс. т в 1933 г. до 47 тыс. т в 1935 г. Основными заготовителями по-прежнему оставались спиртзаводы:

Петровский, Усадский, Елабужский и МРС¹ заготовили в сезон 1935 г. 31.6 тыс. т [10, л. 24; 11, л. 14; 12, с. 65].

Размеры добычи торфа в Татарии в 1935 г. составляли только 0.2% от общесоюзной. Республика намного отставала по размерам заготовок торфа не только от таких традиционных центров торфодобычания (где находились тресты Главторфа), как Ивановская область (2.74 млн. т; 14.8% общесоюзной добычи), Горьковский край (соответственно 1.68 млн. тонн и 9.1%), но и от других территорий, которые не могли похвастаться особым богатством торфяных месторождений, например от Воронежской области (392.2 тыс. т; 2.1%), Курской области (323 тыс. т; 1.7%) и Челябинской области (92 тыс. т; 0.5%). На более низком уровне торфодобычи по сравнению с Татарией в середине 1930-х годов находились Кировский (37.2 тыс. т; 0.2%), Саратовский (32.3 тыс. т; 0.2%), Западносибирский (9.1 тыс. т; 0.05%) края и Оренбургская область (7 тыс. т; 0.04%) [13, с. 9].

Наибольшего размаха организация торфопроизводства Татарии достигла только в третьей пятилетке. Если в 1938 г. торфяное топливо добывали 11 предприятий и организаций, заготовившие 69 тыс. т, то в 1940 г. число предприятий возросло до 25 и размер торфодобычи составил 168 тыс. т. Кроме заводов Татспиртотреста торфопроизводства вели структуры Наркомата местной промышленности (Наркомместпром), завод № 124 в Казани, Васильевский стекольный завод, Банно-прачечный трест, железнодорожное депо станции Юдино, Елабужский педтехникум и артели промкооперации в Теньковском, Агрызском и Челнинском районах. Параллельно заготовка торфа на топливо производилась колхозами: 11 тыс. т в 1938 г. и 30 тыс. – в 1940 г. [11, л. 16; 14, л. 78].

Интересно отметить, что в 1940 г. по уровню торфодобычи Татарская АССР впервые превзошла Мордовскую автономную республику. Мордовия во второй половине 1930-х годов по добыче торфяного топлива сначала опережала Татарию, затем отстала от неё: в 1938 г. добыча составила 117 тыс. т, в 1939 г. – 123.5 тыс. т, в 1940 г. – 133.9 тыс. т [9, с. 197]. Но «догнать и перегнать» расположенную южнее Куйбышевскую область (в составе которой в 1940 г. находилась территория современных Самарской и Ульяновской областей) так и не удалось.

Наиболее крупным заготовителем в третьей пятилетке по-прежнему оставался Татспиртотрест: в 1938 г. заготовки вели 8 заводов с размером добычи 46.4 тыс. т, в 1940 г. 10 спиртзаводов добыли 70 тыс. т. По размерам торфодобычи в тресте традиционно лидировал Петровский завод (18 тыс. т в сезон 1938 г.). В значительных масштабах торфопроизводства также осуществляли такие спиртзаводы, как МРС (9 тыс. т в 1938 г.), Елабужский (около 8 тыс. т) и Мамадышский (3.5 тыс. т) [15, л. 156; 16, л. 43].

Другим крупным заготовителем торфяного топлива Татарии в предвоенные годы стал наркомат местной промышленности (Наркомместпром). Его Казанская торфяная контора традиционно вела заготовки на двух участках (Кизическом и Борисоглебском, расположенных вблизи Казани с северной стороны), затем добавились ещё Набережно-Челнинские и Елабужские торфопроизводства.

¹ Спиртзавод МРС находился в населённом пункте Большой Ошняк Рыбно-Слободского района.

Размер торфодобычи по системе Наркомместпрома вырос с 3 тыс. т в 1937 г. до 20 тыс. т в 1939 г. и 41.8 тыс. т в 1940 г. [17, л. 7; 18, л. 125]. В конце декабря 1939 г. в Татарской АССР было образовано Управление местной топливной промышленности (УМТП), просуществовавшее до апреля 1941 г. (подобные управления были созданы в конце 1939 г. повсеместно по всей стране). В его состав вошли все перечисленные выше торфоразработки, которые после ликвидации УМТП снова вошли в систему Наркомместпрома.

К числу крупных заготовителей торфа следует отнести также и завод № 124 в городе Казани, который в документах тех лет фигурирует как «машиностроительный». Судя по данным монографии М.Ю. Мухина, он в предвоенные годы выпускал бомбардировщики и пассажирские самолёты [19, с. 163]. В сезон 1938 г. размер добычи этого предприятия составил 22.8 тыс. т торфа [14, л. 78].

Следует подчеркнуть, что круг потребителей торфяного топлива был гораздо более обширным, чем список организаций, ведущих торфоразработки. Так, например, постановление СНК ТАССР от 16 ноября 1939 г. следующим образом распределяло торф, заготовленный заводом № 124 (кроме оставленного предприятием для своего потребления): Банно-прачечный трест – 3 тыс. т, Мальтозный завод «Пламя» – 4 тыс. т, фабрика киноплёнки – 3 тыс. т, гортопу – 3 тыс. т. В свою очередь, городской топливный комитет (гортоп) распределял полученный торф отдельным школам и больницам. Казанская торфконтора Наркомместпрома вела заготовку торфяного топлива для кирпичного комбината «Строитель», кожкомбината «Спартак», стеклозавода «Победа труда» и Воскоэкстракционного завода [14, л. 100, 179]. Набережно-Челнинские разработки УМТП в 1940 г. обслуживали нужды кирпичного завода и больниц города [20].

Анализируя масштаб заготовок торфа в Татарской АССР, следует констатировать недостаточность развёрнутых работ по добыче данного вида топлива. По данным Наркомата земледелия ТР, площадь торфяников автономной республики на 1941 г. составляла 27 тыс. га с запасом 320 млн. кубометров. Это позволяло ежегодно добывать порядка двух миллионов тонн воздушно-сухого торфа, что соответствовало 150% ежегодного отпуска дров для данной территории [11, л. 1, 7]. В Куйбышевской области, более бедной запасами торфа (17.4 тыс. га с запасом 184 млн. кубометров по данным на начало 1940 г.), размер заготовок данного вида топлива промышленностью и колхозами составил в 1938 г. 384 тыс. т, в 1939 г. – 429 тыс. т [21, л. 1; 22, л. 196].

На масштаб торфодобычи ТАССР в рассматриваемый период оказал серьёзное негативное влияние целый ряд факторов, которые подробнее рассмотрены ниже.

Наиболее крупные торфоразработки страны в годы первых пятилеток были объединены в ведомстве Главторфа, на долю которого в 1935 г. пришлось 60% общесоюзной добычи. Эти торфоразработки хорошо финансировались, что давало возможность создать приличную по меркам 1930-х годов материальную базу и обеспечить участки современной торфяной техникой. В Татарии подразделений системы Главторфа создано не было, что обусловило **децентрализацию** торфяной промышленности региона. Отсутствие единого органа – организатора торфоразработок – отрицательно отражалось на масштабе работ в Татарии, так как многие предприятия и организации, могущие стать потребителями данного

вида топлива, не хотели и не могли развернуть заготовку торфа. Вот, например, данные из докладной записки Госплана ТАССР в Госплан СССР. Совнарком Татарии постановлением от 14 февраля 1938 г. обязал завод сухого молока, несколько кооперативных артелей и совхозов начать в следующем сезоне добычу торфа. Но в 1939 г. перечисленные в постановлении предприятия и организации к торфоразработкам не приступили, ссылаясь на задержку решения этого вопроса в своих главках [14, л. 54].

Первые пятилетки стали временем внедрения **новой техники**. Особенностью региона в 1930-е годы являлся более низкий, по сравнению с общесоюзным, уровень механизации торфоразработок. Так, если уже в 1935 г. по стране доля торфа машинной добычи составляла 87.5% и ручной – 13.5% (такой высокий процент механизации достигался за счёт усиленного снабжения техникой участков системы Главторфа), то в Татарии вплоть до конца 1930-х годов преобладала резная (то есть ручная) добыча торфа [11, л. 19; 23, с. 10]. Основными способами механической добычи в Татарии стали элеваторный и фрезерный. Последний вариант, в частности, использовался на Кизическом болоте с 1933 г., сначала на разработке Татпромсоюза, затем – Наркомместпрома [11, л. 18–19; 23]. В качестве негативного обстоятельства следует отметить отсутствие машинной техники на участках крупнейшего заготовителя региона Татспиртотреста. Между тем машинная торфодобыча позволяла добиться большей производительности труда и получить топливо более высокого качества (торфяные кирпичи в этом случае меньше крошились и не так сильно впитывали влагу, как вырезанные вручную) [11, л. 19].

Ещё одним фактором, оказавшим существенное влияние на развёртывание торфодобычи в ТАССР, стал **продовольственный вопрос**. Дефицит 1930-х годов привёл к появлению продовольственных пайков, являвшихся, по сути, составной частью зарплаты. Продукты, как правило, продавались ежедневно или в определённые дни в специальных торговых точках, прикрепленных к данному предприятию. Иногда возникали перебои в поступлении на участки отдельных видов продуктов. Так, в протоколе партийного собрания Петровского спиртзавода от 5 июля 1935 г. есть упоминание: «хлеба не хватает, селёдка не распределяется» [24, л. 46 об.]. В докладной записке Татспиртотреста 1939 г. отмечалось, что торфоразработки «плохо обеспечиваются продуктами питания, макаронными изделиями, крупой, постным маслом, маргарином» [14, л. 153]. На набережно-челнинских разработках УМТП в мае 1940 г. имели место перебои с поступлением хлеба [18, л. 12 об.].

Для торфоразработок организация **общественного питания** в столовых являлась жизненно необходимой. Рабочие-торфяники обычно трудились вдали от постоянного места жительства и не имели возможности регулярно питаться дома. Как правило, на мелких торфоразработках (которые были наиболее распространены в Татарии) наладить хорошее общественное питание не удавалось. На совещании при Усадском спиртзаводе 29 сентября 1937 г. при обсуждении торфоразработок один из выступавших отметил, что «столовая для рабочих работает плохо» [25, л. 43 об.]. Вот как увидел ситуацию на участке Банно-прачечного треста в сентябре 1939 г. руководитель райплана Юдинского района: «...продуктов никаких не подвозят, кухни нет, воду берут из небольшого

озерца, вода болотная» [14, л. 168]. Вопиющий факт зафиксирован на одном из участков Петровского спиртзавода. В мае 1939 г. жалобы рабочих на плохое качество мяса в столовой торфоразработок привели к созданию комиссии рабочего контроля. В результате проверки факты подтвердились. Было установлено, что мясо от больной лошади и протухшая солёная говядина, на которой появились черви, непригодны для питания. Несмотря на составленный соответствующий акт, недоброкачественное мясо промыли холодной водой и признали годным к употреблению, после чего тухлая говядина была употреблена в пищу [26, л. 42, 44, 50–51].

Жилищные проблемы на торфозаготовках Татарии носили перманентный характер и не были решены в течение всего рассматриваемого периода. Недостаток жилья в 1930-е годы был общей проблемой всей страны. Промышленным предприятиям ТАССР, которые осуществляли добычу торфа, часто было негде расселить своих рабочих даже основного производства. Например, у крупнейшего торфозаготовителя Татспиртотреста – Петровского завода – ещё в 1936 г. в землянках проживало 60 семей рабочих, работающих на самом предприятии [27, л. 79 об.]; стоит ли удивляться, что на торфоразработках (считавшихся второстепенным и подсобным производством) жильё не было построено вплоть до конца 1930-х годов. Строительство бараков и домов на торфяных болотах повсеместно велось медленными темпами, у предприятий не хватало финансовых средств и фондов на стройматериалы. Отсутствие жилых построек часто компенсировалось размещением рабочих в домах местных жителей ближайших населённых пунктов. Но полностью проблему это не решало и отражалось на ходе работ. Например, на партийном собрании Петровского завода в марте 1938 г. один из выступающих отметил: «...а у нас на болотах нет ни одной избы... как дождь, то рабочие бегут в ближайшие деревни» [26, л. 25 об.].

Условия проживания в построенных бараках торфоразработок часто оставляли желать лучшего. В бараках на торфоразработках Банно-прачечного треста в 1939 г. отсутствовали перегородки, что создавало неудобства для проживания семейных рабочих. В выступлении директора Казанского торфопредприятия УМТП на общем собрании по итогам 1940 г. содержалась самокритичная фраза: «Мы не можем похвалиться, что создали хорошие условия для рабочих. ...грязь у нас в общежитиях царил» [14, л. 168; 17, л. 3 об.].

Составной частью жилищной проблемы в 1930-е годы стал недостаток **постельных принадлежностей**. В сентябре 1939 г. в бараках на разработках Банно-прачечного треста в Юдинском районе отсутствовали матрасы; как говорилось в докладной записке, посланной в госплан Татарии, рабочие «спят на голых досках» [14, л. 168]. В выступлении с мест на собрании рабочих и служащих Казанской торфконторы отмечалось, что на Борисоглебском участке в 1939 г. наличие постельных принадлежностей составляло 50% от необходимого количества [28, л. 4 об.]. В сведениях, представленных Татспиртотрестом в Госплан ТАССР весной 1939 г., явно видна разница между планируемым количеством постельных принадлежностей и фактическим их наличием. Если по плану для 10 спиртзаводов требовалось 840 матрасов, то в наличии имелось только 210 на шести предприятиях; из необходимых 840 одеял было 53 штуки, и только на трёх заводах; простыни и наволочки вообще отсутствовали [14,

л. 152, 153]. Даже если учесть, что среднесписочное число рабочих и служащих на торфоразработках Татспиртотреста в этом году составило около 360 человек [29, л. 21], недостаток постельных принадлежностей выглядит достаточно серьезным. На отдельных участках положение представлялось в совершенно мрачном виде: в общежитии торфоразработок Кураловского спиртзавода отсутствовали койки, матрасы, наволочки, подушки [14, л. 102 об.].

Серьезной проблемой для торфоразработок стал недостаток **спецодежды**. В архивных материалах сохранились подробные сведения по Татспиртотресту. В сезоне 1939 г. на десяти спиртзаводах не хватало: 122 пар сапог, 1215 пар бахил, 122 брезентовых плащей и 985 пар рукавиц. В протоколе партсобрания Елабужского завода от 13 мая 1941 г. отмечалось, что «рабочие не обеспечены спецодеждой, бахилами, рукавицами» [30, л. 19].

На Кизических и Борисоглебских торфоразработках Казанской торфяной конторы с 1937 г. по 1940 г. не смогли решить проблему дефицита спецодежды. На разработках банно-прачечного треста в 1939 г. сложилась аналогичная ситуация: рабочие «работают без спецодежды... на ногах разорванные сапоги, резиновые только у некоторых, а у других просто лапти» [14, л. 152, 168 об.; 17, л. 4; 28, л. 3 об., 4 об.].

Работа на торфяных болотах в условиях недостатка и низкого качества спецодежды приводила к возникновению различных **заболеваний**. Торфяник, регулярно (в течение хотя бы месяца) стоявший в воде в дырявых сапогах, рисковал получить ревматизм, пневмонию и кожные заболевания. В архивных материалах рассматриваемого периода очень редко отмечалась связь отсутствия спецодежды и состояния здоровья рабочих. Но отдельные упоминания об этом сохранились. Так, в протоколе общего собрания работников торфоразработок Петровского спиртзавода от 9 марта 1940 г. записано, что при обсуждении вопроса о спецодежде один из выступающих подчеркнул, что когда «рабочие стоят весь день по колено в холодной воде», они «систематически начинают болеть». Его поддержал ещё один работник, заявив, что те рабочие, «которые работают ежегодно, все они потеряли своё здоровье» [31, л. 35 об., 36]. Побывавший на разработках Банно-прачечного треста руководитель райплана Юдинского района в своей докладной записке отметил, что из-за недостатка сапог было много «больных и простуженных работников и работниц» [14, л. 168 об.].

Серьезной проблемой в 1930-е годы стали **потери и низкое качество торфа**. В годовом отчёте Татспиртотреста за 1940 г. отмечались значительные потери добытого торфа (7.45 тыс. т, что составило около 10% от заготовленного в этом году). При резном способе (вот где, в частности, «аукнулось» тресту отсутствие машинной техники на разработках!) торф болот низинного типа давал повышенный процент крошки, в результате, говорилось в объяснительной записке, «намокшие низы штабелей остаются на болоте, а после просушки часть превращается в пыль» [16, л. 43].

Из-за перечисленных выше проблем и плохой организации работ торф часто оставался на болотах не до конца просушенным. В протоколе партсобрания Елабужского спиртзавода от 21 марта 1940 г. приводился факт добычи в конце августа 1939 г. 1600 т торфа, «который остался в клетках сырым». В результате

из-за плохого качества торфа в январе 1940 г. завод имел 4 дня простоев, в феврале – 9 дней [32, л. 17]. На Гребеневском заводе весь торф заготовки этого года оказался повышенной влажности, что сделало его непригодным для сжигания в топке [16, л. 43]. Весной 1939 г. Казанский гортоп жаловался в Госплан на низкое качество («не горит») торфотоплива, полученного от завода № 124 [14, л. 100]. В годовом отчёте Татспиртотреста за 1938 г. говорится: «Дрова и торф поступали в котельную повышенной влажности, и торф, кроме того, имел высокую зольность»; в результате КПД резко снижался, что приводило к перерасходу топлива [15, л. 150 об.].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что торфяное топливо, особенно в годы третьей пятилетки, играло важную роль в **экономическом развитии** Татарии. Данный вид топлива активно использовали предприятия наиболее развитых в регионе отраслей лёгкой промышленности. Так, из 15 предприятий Татспиртотреста на торфе в 1938 г. работали 8 заводов, в 1940 г. – уже 10, причём Елабужский спиртзавод использовал только торф, остальные – торф вместе с дровами [15, л. 156; 16, л. 43]. Данный вид топлива использовали многие предприятия и учреждения города Казани. В условиях дефицита угольного и нефтяного топлива и перебоев с поступлением дров торф как альтернативное топливо часто «выручал» многих потребителей, особенно там, где не хватало дров (в столице ТАССР и малолесной местности). Кроме того, торфоразработки вели, как правило, те организации, которые находились в непосредственной близости от торфяного болота, что давало возможность экономить на транспортных перевозках и в какой-то степени разгрузить железные дороги. Торф было выгодно использовать и по финансовым соображениям: по расчётам экономистов того времени, стоимость торфа в конце 1930-х годов составляла в среднем по Татарии 55%, по Казани – 63% от стоимости дров [11, л. 17].

К сожалению, характерной чертой развития торфодобычи региона стала экономия средств на **социальной сфере**: условия труда и быта рабочих-торфяников часто не соответствовали элементарным нормам обеспечения жизнедеятельности. Данная проблема в 1930-е годы была характерна не только для Татарии, но и для всего Среднего Поволжья и страны в целом (см. [9]).

Разработка торфяного топлива, кроме экономического аспекта, имела важное **экологическое значение**, которое не всегда осознавалось современниками. Промышленное торфодобывание вместе с колхозным дало ТАССР в 1940 г. около 200 тыс. т торфа. По подсчётам специалиста в данной сфере инженера В.А. Марина, это могло заменить 400 тыс. кубометров дров [12, с. 67]. Леса Татарии в годы первых пятилеток сильно пострадали от массовых лесозаготовок, осуществлявшихся с нарушением правил ведения лесного хозяйства [8, с. 147, 150]. Использование альтернативного торфяного топлива в 1930-е годы позволило сохранить сотни гектаров лесов региона.

На современном этапе исторический опыт развития торфяной промышленности нашей страны в XX в. может быть использован в различных аспектах. Экономисты и инженеры Среднего Поволжья 1930-х годов, писавшие о торфяном топливе в местных журналах и газетах, предсказывали ему блестящие перспективы. В ближайшем будущем им представлялась целая сеть мелких районных и колхозных электростанций, работающих на торфе. Дорогое и дефицитное

дальнепривозное топливо и становившиеся буквально драгоценными из-за сложностей гужевой перевозки дрова на предприятиях крупных городов в их проектах повсеместно заменялись дешёвым топливом с ближайших торфяных болот, расположенных всего в нескольких километрах от городской окраины или завода-потребителя. Выигрывали от массового внедрения альтернативного топлива буквально все. Железные дороги разгружались от лишних перевозок. Тысячи колхозников переставали возить в зимний период на своих истощённых лошадях дрова для городов и промышленности. Предприятия получали торф, соответствующий по своей теплотворной способности берёзовым дровам, который при этом был гораздо дешевле. В глухих деревнях появлялся электрический свет, проведённый от местной колхозной электростанции. Лесные тресты прекращали перегонять ценные породы деревьев в дрова ради выполнения планов. Леса получали небольшую передышку от массовых рубок (дрова в планах основных лесозаготовителей 1930-х годов составляли от 40% до 70% от общего объёма заготовок). И, наконец, городские власти и население городов переставали с ужасом ждать наступления каждой новой зимы, гадая, удастся ли в этом году завезти дрова в необходимом количестве. Начавшуюся в 1941 г. войну промышленность Татарии могла бы встретить с широко развитой сетью торфо-разработок, не завися при этом от поставщиков угля и нефти, перегруженных военными перевозками железных дорог и сплава дров по Волге.

Но это не сбылось. Тогда, в 1930-е годы, всё это осталось на уровне проектов и рассуждений. Местные руководители в Среднем Поволжье не сумели в достаточной степени оценить перспективы торфа как альтернативного топлива. Оказалось, что пробивать в своих главках фонды на дефицитные уголь и мазут, принудительными мерами заставлять колхозников вывозить дрова (в начале 1941 г. в ряде регионов страны ввели трудповинность, как во время Гражданской войны) и вырубать на дрова редёющие и исчезающие леса проще и привычнее, чем попробовать за несколько летних месяцев заготовить торф на ближайшем болоте и сразу решить массу проблем. Торф в Среднем Поволжье добывался (в Татарии и Мордовии чуть меньше, в Куйбышевской области чуть больше), но заменить в заметных масштабах дрова и уголь в предвоенные годы ему было не суждено.

На местном уровне во многих регионах в ближайшие десятилетия можно ожидать возврата к массовому использованию в качестве топлива дров и отходов деревообработки, а также внедрения других местных видов топлива, наиболее распространённым из которых является торф. Насколько местные руководители сумеют оценить требования времени и не повторить ошибки, сделанные их предшественниками в 1930-е годы, покажет будущее. Хочется верить, что Россия всё же начнёт при разработке перспективных программ развития творчески учитывать свой богатейший национальный исторический опыт и не повторит хотя бы часть уже совершённых ранее ошибок.

Summary

E.V. Voeikov. Peat for Tatarian Industry during the First 5-year Plans: Alternative Fuel and Economic Problems.

The article is devoted to an insufficiently known aspect of the peat industry history, namely to peat extraction in the Tatarian region during the first five-year periods. Peat fuel was extracted by spirit refineries and local industry enterprises. Peat extraction increased to 200 thousands tons. In some areas the problems of public catering and dwelling weren't solved till the end of 1930s.

Key words: peat extraction, Middle Volga region, fuel balance, food problem, housing problem.

Литература

1. Национальный архив республики Татарстан (НА РТ). – Ф. Р-4580 (Госплан при СНК ТАССР). – Оп. 1. – Д. 807.
2. *Батыр В., Марин В.* О наличии и перспективах использования торфа в ТР // Социалистическое хозяйство Татарстана (орган госплана Татарской АССР). – 1931. – № 1–2. – С. 61–66.
3. НА РТ. – Ф. Р-4132 (Торфяной комитет Татсовнархоза). – Оп. 1. – Д. 12.
4. НА РТ. – Ф. Р-4132. – Оп. 1. – Д. 13.
5. НА РТ. – Ф. Р-787 (Татсовнархоз). – Оп. 1. – Д. 939.
6. *Пробст А.Е.* Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 404 с.
7. *Лебедев Н.* Средне-Волжский район. – М.: Госплан, 1927. – 88 с.
8. *Воейков Е.В.* Экологические проблемы Среднего Поволжья в годы первых пятилеток (на примере состояния лесов региона) // Отеч. история. – 2007. – № 5. – С. 145–153.
9. *Воейков Е.В.* Условия труда и быта рабочих местной топливной промышленности Среднего Поволжья в годы первых пятилеток (на примере торфяной отрасли) // Изв. Самарского научного центра РАН. Спец. вып. «Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии». – 2006. – С. 197–205.
10. НА РТ. – Ф. Р-270 (Татспиртотрест). – Оп. 2. – Д. 140.
11. НА РТ. – Ф. Р-4580. – Оп. 1. – Д. 4513.
12. *Марин В.* Торфяники Татарии // Социалистический Татарстан (орган Госплана ТАССР). – 1935. – № 4–5. – С. 63–69.
13. *Корелин М.Н.* Добыча торфа в 1935 г. и план на 1936 г. // За торфяную индустрию (орган Главторфа). – 1936. – № 6. – С. 9–12.
14. НА РТ. – Ф. Р-4580. – Оп. 1. – Д. 4046.
15. НА РТ. – Ф. Р-270. – Оп. 2. – Д. 268.
16. НА РТ. – Ф. Р-270. – Оп. 2. – Д. 295.
17. НА РТ. – Ф. Р-1296. – Оп. 15. – Д. 1271.
18. НА РТ. – Ф. Р-2840 (Управление местной топливной промышленности). – Оп. 1. – Д. 64.
19. *Мухин М.Ю.* Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. – М.: Наука, 2006. – 320 с.
20. Торфоразработки в Челнинском районе // Красная Татария. – 1940. – 11 сент.
21. Государственный архив Самарской области (ГА СО). – Ф. Р-3859 (Облплан). – Оп. 2. – Д. 427.

22. ГА СО. – Ф. Р-3859. – Оп. 2. – Д. 471.
23. *Марин В.А.* Торфяные богатства Татарии // Красная Татария (орган обкома и горкома, ЦИК ТАССР). – 1934. – 9 апр.
24. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). – Ф. 401 (первичная п/о Петровского спиртзавода). – Оп. 1. – Д. 10.
25. НА РТ. – Ф. Р-270. – Оп. 2. – Д. 198.
26. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 401. – Оп. 1. – Д. 17.
27. НА РТ. – Ф. Р.270. – Оп. 2. – Д. 161.
28. НА РТ. – Ф. Р-1296 (Управление н/х учёта). – Оп. 15. – Д. 981.
29. НА РТ. – Ф. Р-270. – Оп. 2. – Д. 280.
30. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 1770. – Оп. 1. – Д. 6.
31. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 401. – Оп. 1. – Д. 18.
32. ЦГА ИПД РТ. – Ф. 1770 (первичная п/о Елабужского спиртзавода). – Оп. 1. – Д. 5.

Поступила в редакцию
08.10.08

Воейков Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории экономики, политики и культуры Всероссийского заочного финансово-экономического института, филиал в г. Пензе.

E-mail: evgenijvoejkov@yandex.ru